

ДМИТРИЙ ЗАПЛЕШНИКОВ

МОЯ ПСИХИКА

MADE IN
BELARUS

Дмитрий Заплешников

Моя психушка: Made in Belarus

«Издательские решения»

Заплешников Д.

Моя психушка: Made in Belarus / Д. Заплешников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833968-4

Потиху я схожу с ума. Куда-то уплывают мысли. Не стану я нормальным никогда, я не вернусь туда, где все пропитано корыстью. Мне говорят: «возьмись за ум»! Зачем? Я что, в неадеквате? В моей стране так много дум, что не хватает мест в шестой палате...

ISBN 978-5-44-833968-4

© Заплешников Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Военкомат	7
Центр психиатрии и наркологии	13
РЦПЗ	19
Временное место жительства	23
Правила для всех	29
Плати за комфорт	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Моя психушка: Made in Belarus

Дмитрий Заплешников

© Дмитрий Заплешников, 2016

Корректор-редактор Наталья Будько

Художник-иллюстратор Алеся Исса

Верстка Алиса Мальганова

ISBN 978-5-4483-3968-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта повесть задумывалась как биографический дневник двухнедельного пребывания в психиатрической больнице. Волей судьбы я попал в отделение для людей с зависимостями и суицидальными наклонностями.

В процессе написания стало очевидно, что несколькими страницами дневника ограничиться невозможно. Не детальное описание событий не погрузило бы читателя в мир, где пациенты живут годами и не выходят за пределы замкнутого пространства, в большинстве своем находясь под надзором некомпетентного персонала. Где система ущербна и бездарное управление страной на протяжении более двух десятилетий кажется настолько открытым, прозрачным и свободным, насколько его невозможно представить вне этого учреждения. В повести переплелись повседневность в полузакрытом отделении психиатрической больницы, взгляды на политические и экономические события в Республике Беларусь, а также личные переживания и судьбы людей, попавших в это учреждение.

За проведенные 14 суток в психиатрии мое осознание ситуации в Беларуси изменилось до понимания состояния единичного вакуума. Многие граждане нашей страны живут в своем мире, не воспринимают сторонних проблем и не стараются их решить. Печально признавать, что это касается не только мира врачей и санитаров, но и происходящего в больших и малых городах моей страны.

Я не был пациентом, тем не менее не являлся и сторонним наблюдателем. Проходя некоторые процедуры, тесты и отвечая на вопросы, ставящие в тупик и страдающих различными заболеваниями, и персонал, который обязался наблюдать за больными и помогать им, стало понятно, что где-то нас всех наебали. Система любого государственного учреждения в Беларуси угнетает интересы граждан, а так называемые правозащитные независимые организации не в состоянии помочь себе, не говоря о возможности решать реальные проблемы.

То, что остается за забором, никого не волнует и не будет волновать до тех пор, пока бюрократическая система «как написано на бумажке» из советского времени полностью не искоренится новым поколением здравомыслящих людей. Забор – условное обозначение. В какой-то степени белорусский паспорт – тоже огромное препятствие, которое ограничивает свободу действий. Я люблю свою страну, но при этом не желаю понимать происходящее в системе управления государством: все законы и декреты за последние годы были созданы лишь для угнетения и указания выдуманного долга общества перед действующей властью и никак не для улучшения жизни, благосостояния и развития страны.

На данном этапе развития Беларуси государство стремится умерить пыл, заставить не осознавать происходящее, не думать и не рассуждать. Все под запретом. Система настолько прогнила изнутри, что первая необходимость для нее – рабы – люди, имеющие узкие навыки и не стремящиеся к развитию, образованию, самоопределению.

В первую очередь повесть описывает безвыходность и безысходность лиц призывного возраста, направленных на принудительное обследование для выяснения их психического здоровья. Отказаться от этих процедур – значит, отправиться красить заборы, бордюры, подметать тротуары, жить под постоянным угнетением, ущемлять свои интересы на протяжении полутора лет срочной службы. Никакого обучения современному военному ремеслу ждать от системы не приходится: она направлена исключительно на получение бесплатной рабочей силы от граждан, одетых в военную форму. В то же время повесть обращает внимание на другие проблемы общества.

Надеюсь, хотя бы некоторые читатели задумаются и не просто зададут себе вопросы о том, почему что-то не так, а найдут объективное решение сложившейся проблемы недостаточности системы в независимой Беларуси.

Военкомат

Part I – «безумный тест»

В детстве я часто болел: ангина, грипп в тяжелой форме, а хронический бронхит «перешел» со мной на первый курс университета. К вышеперечисленным осложнениям здоровья можно добавить легкий сколиоз, плоскостопие, нарушение зрения. Если намерены жаловаться на такие пустяки в военном комиссариате, вы здоровы и годны.

В военкомате мой эпикриз из детской поликлиники потеряли, это означало, что личное дело вмещалось на двух страницах и с большего состояло из характеристик учителей и родителей. Кто-то из знакомых подсказал, что его можно восстановить. Однако, когда я пришел в детскую поликлинику и отстоял приличную очередь, понял, что сделать это непросто. В регистратуре очень удивились, как эпикриз могли потерять в военном комиссариате, ведь еще в школьные годы он должен быть подшит к нерушимой папке личного дела, и отправляли меня из одного кабинета в другой. Врачи же пытались скинуть с себя лишний груз, говоря что-то вроде «не знаю, попробуй сходить еще в 329-й, может, терапевт твоего участка будет знать, где можно найти эту бумажку». Терапевт, как и все остальные, разводил руками и тоже не мог предположить, где находится эпикриз. Оббив пороги нескольких десятков кабинетов врачей, я все же получил правильное направление, хотя оно было сродни «отъебись, и без тебя дел хватает». Меня отправили к заведующей какого-то отделения детской поликлиники. Женщина лет сорока оказалась приятной в общении, хотя от разговора толку не было. Она, как и все, пожала плечами и сказала: «Можешь написать заявление на имя главврача, подождать официального ответа, получить разрешение на то, чтобы подняли архив. А тебе оно надо?». Может, действительно стоило пошевелиться и что-то сделать, но в силу природной лени и наплевательского отношения к будущему в тот период времени решил не заморачиваться рутинной и через несколько дней снова отправился в военкомат.

Давно заметил, что во всех государственных учреждениях нет никакого хваленного белорусского порядка, а тем более логики в последовательности их действий. Военкомат не исключение. Сначала нужно зайти в первый корпус: там лишь посмотрят на удостоверение призывника и покажут пальцем следующее направление. Отправляешься в соседнее здание в метрах 50-ти и начинаешь думать: что-то раздают бесплатно, иначе, почему здесь такое столпотворение (белорусам свойственно стремиться к халяве). На деле это переполненный второй корпус призывниками, стоящими в очереди за личным делом, а рядом перекрытые спинами и плечами два окошка для выдачи и приема документов, подобные первому. Было еще одно слева от входа, закрытое жалюзи. Складывается впечатление, что все вдруг нанялись трамитадорами. Со всех сторон висят плакаты о доблести и чести, о долге Родине, о патриотически воспитанных воинах нашей профессиональной армии. Присмотревшись к плакатам, заметил, что лица служивых совсем не радостные, а на некоторых откровенно читается, что люди впервые видят оружие или технику, к которым их приставили для показательной фотосессии.

Сам военкомат – не первая инстанция перед оценкой годности призывника к воинской службе. До появления в этом учреждении необходимо пройти множество процедур в районной поликлинике: флюорографию, анализы крови и мочи, осмотры бесконечного количества докторов и многое-многое другое. А что самое интересное, отказ от выполнения требований приравнивается к уклонению от призыва и уголовно наказуем. Формально это не может быть нарушением прав, потому что действия обозначены законодательными актами. Да и вообще права гражданина в Беларуси – это привилегии, которых могут с легкостью лишить.

Слева от лестницы второго этажа находился гардероб, справа – длинный коридор с несколькими разветвлениями и кабинетами врачей. Военком с первой минуты дает понять,

что мы все говно – разделись до трусов и стоим в очередях холодного коридора. Раздевание не более чем фишка угнетения человека. Я еще не в армии, а уже выполняю приказы. С другой стороны, можно понять военкомовских работников, у них, скорее всего, напроочь отсутствуют две составляющие счастливой жизни среднестатистического гражданина Беларуси – секс и деньги, поэтому они налегают на третью – власть. Она порабощает человека, показывает низменные наклонности, не направленные на справедливость, а ответственность за возложение власти никак не проявляется в современном белорусском обществе. Можно сколько угодно говорить о том, что необходимо раздеться заранее, чтобы не задерживать очередь и не делать это в кабинетах, от этого она быстрее двигаться не будет. На заполнение бумаг как раз уходит достаточно времени, и призывник может неспешно снять и надеть одежду. Кроме того, на осмотре приходится оставлять личные вещи в открытой раздевалке или, доверяя на слово, передавать на хранение персоналу: с телефоном, кошельком и другими аксессуарами очень неудобно бегать по кажущимся нескончаемыми кабинетами.

На втором этаже – никакой организованности. Сначала минуешь несколько кабинетов врачей, к которым обязательно нужно будет вернуться, чтобы дойти до небольшого углубления в коридоре со столом медсестры, там же стоят весы и ростомер. В правилах указано, что при медосмотре в военкомате можно иметь при себе тапки (хотя кто эти правила читает), но в большинстве своем к этому моменту у призывников нет на себе ничего, кроме трусов. Пол очень холодный, а носки, как и остальную одежду, также убедительно просят снять.

До того посещения я бывал в военкомате дважды. В школьные годы наш военно-патриотический класс водили на обязательный медосмотр. Тогда поход казался каким-то необычным и радостным событием, и у всех учеников было стремление отдать долг Родине в виде срочного призыва на воинскую службу. Мы шутили и улыбались, весело шагали строем и пытались всем своим видом придать значимость событию. Второй раз меня пригласили в военкомат для снятия отпечатков пальцев в связи с трагическими событиями в Минском метрополитене 11 апреля 2011 года. Приехать туда и выполнить указание и так постоянно ущемляющего интересы граждан государства настоятельно попросил отец. До последнего я предпочитал не разговаривать со звонившими мне людьми в пагонах, которые чуть ли не приказным тоном убеждали добровольно откатать пальцы, и вешал трубку. Я не искал подтекста в поговорке «моя

хата с краю, ничего не знаю». Вся страна скорбила по погибшим и, тем не менее, не хотела отдавать и так до босоножия ограбленные привилегии за последние 17 лет государственного беспредела, хотя бы в частичной свободе выбора.

Самым первым врачом после замеров роста, веса и формального прохождения терапевта оказался оториноларинголог. Девушка выглядела лет на 25, не больше. Разговор был непродолжительным, и его грубая форма сильно насторожила. Складывалось впечатление, что доктор намеренно сильно давит приборами, вставляя их в уши и нос, чтобы мне стало больно, и постоянно громко повторяла: «Не дергайся». Меня несколько раздражает обращение незнакомых людей друг к другу на ты, а врач вроде как должен уважать пациентов и стараться делать все, чтобы им было комфортно. Несколько раз упрекнув меня в неопрятности и что-то фыркнув себе под нос, она начала на скорую руку делать записи и ставить печати в личное дело. Перед этим походом в военкомат я действительно не умылся. Накануне вечером мы с моей девушкой Олей были на концерте, после чего отправились в бар, работающий до поздней ночи, и я прилично напился. Утром проснулся и понял, что сильно опаздываю к повестке на девять утра, надел испачканные джинсы, рубашку, старую куртку и поспешил в военный комиссариат. Это был единственный раз за все время пребывания в этом учреждении, когда в голову пришла мысль: как хорошо, что я в одних трусах, а то бы сделала замечание еще и за непристойный внешний вид.

Ни один из сотрудников военкомата, кроме последнего врача, не показался вежливым. Хамство чувствовалось на каждом шагу вдоль и поперек. Обстановка была и так угнетающей: холодные стены, спертый воздух, вышел покурить и пропустил очередь – жди нового круга. А тут еще и каждый смотрит на тебя как недостойного даже банального доброжелательного отношения. В буквальном смысле делать в военкомате абсолютно нечего. Разговоры с призывниками были ни о чем, телефона с интернетом ни у кого нет, а книги или журналы додумались взять единицы, бережно держа их, даже заходя в кабинеты для осмотра, дабы после не пришлось искать собственное чтиво. Конечно, на стойках лежали стопки брошюр, но ничего нового в них я не узнал и пробежался глазами по нескольким десяткам в считанные секунды. Мини-книжечки сродни информативным стендам в любой поликлинике или подобном учреждении: остерегайся гепатита, береги свою жизнь от СПИДа или курение убивает.

Не помню, кто смотрел на мой член, хирург или дерматолог. Возможно, оба врача, хотя запомнился только один. Женщина лет 45-ти, внимательно рассматривая половой орган, сделала вывод, что мне нужно съездить к специалисту на улицу Прилуцкую и сдать анализы из-за каких-то красных пятен. Сложно понять, насколько компетентна была доктор, тем не менее, имевшееся раздражение оказалось следом от купленных на рынке красных трусов – они попросту красили кожу.

Каждый из врачей оставлял неразборчивые идеографические символы в личном деле, и только пара-тройка ответила на вопрос о годности, мол, с небольшими ограничениями. Остальные не считали нужным общаться с призывником, а несколько человек прямым текстом говорили: потом сам все узнаешь.

Помню, стоматолог сначала даже не заглянул мне в рот, а только посмотрел на карту несколько годичной давности и сделал запись, поставив штамп. Все время заполнения бумажек (а это около пяти минут) я стоял босым на холодном полу в одних трусах. Намеков на то, что было бы неплохо провести осмотр или присесть, он не понимал вообще. Только когда я грубовато заметил, что с челюстью у меня не все в порядке, врач попросил сесть на кресло и открыть рот. Больно ковыряясь в зубах, стоматолог был явно недоволен, что призывник отвлекает его от заполнения бумажек и общения с коллегами. Никаких конкретных ответов по поводу состояния зубов, возможных дефектов и методах профилактики или лечения я от него не услышал, хотя вопросы задавал неоднократно. После осмотра последовала контрольная фраза: встать и занять очередь в следующий кабинет. На тот момент состояние моих зубов оставляло желать

лучшего, кариес разъедал почти каждый, а от так называемого осмотра два-три последующих дня в зубах периодически возникала ноющая боль, которую можно было хоть как-то заглушить, только приложив горькую таблетку анальгина.

За пять последующих часов я прошел обследование еще у нескольких врачей и везде получал безотказную годность к несению военной службы в Вооруженных Силах Республики Беларусь. Поймите правильно, я был не против пойти в армию в 18 лет, да и при иных условиях оплаты непомерного физического труда и реального обучения военному ремеслу, думаю, вряд ли бы кто-то отказался проходить срочную службу. А в 25 лет, когда жизнь только начинает сладко пахнуть и ты пытаешься стать на ноги, найти занятие по душе, нет смысла тратить год жизни на то, чтобы один раз подержать автомат в руках (во время присяги) и на протяжении оставшегося срока ощущать постоянную нагрузку, в лучшем случае научившись правильно красить заборы или держать веник для уборки территории. Несколько друзей к тому моменту уже прошли срочную службу, и не только в Беларуси. Большинство из тех, кто отдавал долг нашей Родине, не нашли себе места после армии в течение полугода. И речь не только о работе или становлении человека в ограниченно-свободном обществе. Они ходили неприкаянными, не могли нормально общаться, а организм никак не мог отвыкнуть от сбивчивого графика, по которому они жили последние год-полтора. Один из приятелей служил в элитных пограничных войсках, говорил, что бывали месяцы, когда он спал по несколько часов. То есть не по несколько часов в день, а по несколько часов в месяц. Все потому, что призыв небольшой, в наряды ходить некому, а нарушения прохода Государственной границы явления постоянные. Не оправдывая ситуацию, могу заметить, что он хотя бы научился физике и погранично-военному делу, так как был главным по размыканию и замыканию каких-то цепей. Тем не менее, есть и другие примеры. За нелепые связи с оппозицией еще одному приятелю прямым текстом сказали, что отправят в железнодорожные войска. Так и произошло. Эти войска считаются чуть ли не последним пристанищем солдат, которых никуда больше не хотели забирать из-за хамской манеры общения, уголовных статей в прошлом или неадекватного поведения. Как-то мы с Олей заезжали проведать этого знакомого. Он рассказал много интересного про способы уборки, выдергивания травы из зазоров между дорожной плиткой и про невидимые хоботы слонов (воображаемые части тела недавно призванных солдат), которые старослужащие закидывают на спины прапорщикам и более низкому составу, а молодые должны подходить к ним и, унижаясь, просить разрешения забрать. Повезет, если старший по званию военнослужащий понимает армейский юмор, в противном случае можно получить несколько внеочередных нарядов или отправиться на увлекательные работы. Невидимые хоботы также могут привязывать к забору, столбу, автомобилю, и молодой солдат может отойти с места только с разрешения старослужащих.

Уставшим и немного злым от медленно двигающейся очереди зашел к окулисту и не смог прочитать первую строчку сверху с огромными буквами. Зрение у меня неплохое, однако символы расплывались то ли от волнения, то ли от усталости, ведь в военкомат необходимо было явиться ни свет ни заря, да еще и отстоять несколько часов в многометровой очереди. У доктора я получил очередной штамп «годен», правда, с небольшими ограничениями. С этими же ограничениями парню, у которого периодически возникает паралич ног, поставил годность невропатолог. Врачом-окулистом была дама средних лет, в кабинете также находилась медсестра чуть помоложе. Между собой они не разговаривали, что меня немного удивило. Большая часть медперсонала вела беседы о покупке нового автомобиля, последних днях дачного сезона, подготовке к осени и многом другом, никак не относящемся к призывникам и военкомату. Было заметно, что окулист из последних сил старается быть вежливым, подставляет линзы к глазам, интересуется увиденным, советует какие-то капли. Как ни крути, гримаса с напряженными от улыбки мышцами выдавала полное безразличие к происходящему. Я взял

бумажку с записанными для восстановления зрения названиями препаратов и, выйдя из военкомата, тут же о ней забыл.

Иногда улавливал мимолетные разговоры с другими призывниками. В основном они сводились к совершенной некомпетентности обсуждаемых вопросов политики, экономики, социального обеспечения, программы обучения в вузах и многом другом. Через несколько часов стал замечать, что большинство находящихся в комиссариате не просто лояльно относятся к сложившейся системе принуждения, но и поддерживают ее. Кто-то даже стремился отдать долг Родине в первых рядах. Несколько призывников сильно переживали, что не годны к военной службе, по-моему, из-за пороков сердца и сильного сколиоза, в буквальном смысле выпрашивали направление на обследование у других врачей, чтобы еще раз попытаться примкнуть к доблестным защитникам Отечества. Один парень прямым текстом говорил, что служба в армии ему необходима, потому что папа занимает какую-то серьезную должность в государственной организации и может быстро двинуть его по карьерной лестнице. Вот незадача: без службы в армии нельзя занимать руководящие должности в госучреждениях Республики Беларусь.

Настало время последнего кабинета в военкомате. Психиатр был вежлив, поздоровался и общался исключительно на вы:

– ...как вы собираетесь с этим служить? – спросил врач, показывая на меня шариковой ручкой синего цвета с белыми полосками и надетым красным колпачком. Каждые несколько секунд он прикладывал ее к губам, поэтому очертания запомнились как нельзя лучше.

– Вы по поводу татуировок? – уточнил я, прекрасно зная от других призывников с картинками на теле, что психиатра военкомата в связи с какими-то серьезными изменениями в правилах отбора призывников татуировки не волнуют и он не спрашивал про них у двух парней с размалеванными рукавами и грудью, проходящих осмотр передо мной.

– Нет, – коротко ответил психиатр, потом еще раз показал ручкой на меня и добавил. – Я про соски...

Как-то я сильно напился и, шатаясь по городу, встретил будущую жену Олю. То ли в шутку, то ли всерьез она предложила пробить соски. Моя пьяная голова быстро нашла способ: прямо напротив места нашей встречи жил старый приятель по прозвищу Солнце. Помимо серьезного увлечения панк-культурой он бесплатно пирсинговал знакомых и друзей. Набрав номер и поинтересовавшись, может ли он принять гостей, услышали положительный ответ. Соски долго заживали и гноились, однако снимать сережки не стал, вытерпел сильную боль, делая пирсинг. Солнце даже пришлось сесть на меня сверху, чтобы не было непроизвольных подергиваний. Так и пришел в военкомат: с пробитыми еще в отрочестве в четырех местах ушами, сделанными за последние годы татуировками на большую часть рук и относительно недавно пробитыми сосками.

– Вам придется съездить на улицу Менделеева для теста. В запасе будет две недели, потом снова ко мне.

– Нужно будет снова проходить всех врачей? – серьезно разволновавшись, уточнил я.

– Нет, только ко мне, – коротко ответил психиатр, попрощался и выдал направление.

Времени было достаточно, тем не менее, на следующий день я был там. Не потому, что крайне ответственно отнесся к направлению, а потому как это учреждение находилось в 15-ти минутах ходьбы от моего дома. В холодном коридоре встретил старого знакомого Сашу, который также работал там психологом, как и другой врач, к которому я предварительно записался на прием. Он насторожил фразой: «зря ты записался к Васильевне, лучше бы ко мне». Хотя особого значения мимолетному разговору не придавал и зашел туда, куда направлялся, вежливо попрощавшись с приятелем. Разговор с психологом был коротким, хотя и содержал больше информации, чем хотелось. Именно от нее и узнал, что я крашенный петушок и ничтожество. Несмотря на консерватизм нашего общества, никто до этого не сказал ни единого слова в упрек

моей внешности, разве что гопота со спящих районов. Возможно, это была проверка реакции, однако знаю ни один десяток людей подобного внешнего вида, которые с легкостью огрели бы стулом, заведя психолог такой разговор с ними. Беседа остановилась на фразе: «Если вы сейчас не прекращаете, я иду в милицию и пишу заявление по статье 9.3 КоАП РБ». Все-таки научил меня чему-то преподаватель по административному праву. Только после этих слов мне выдали безумный тест на 400 вопросов и отправили в коридор.

Именно тогда понял, что из этой системы нет выхода. Все вокруг построено так, чтобы человек сдавался сам либо ломался под давлением. Нет улыбок, вежливости, доброжелательности. Только отчаяние, тревога, боль и разочарование. Это и есть моя страна – независимая Беларусь.

Центр психиатрии и наркологии Part II – «стресс и потеря времени»

Несколько дней я провел в осознании того, что не могу представить будущего. Какой-то подростковый максимализм сбивал мысли в кучу и бесконечно прокручивал небезызвестную песню No Future в голове.

В то время я встречался с огромным количеством знакомых в разных частях города. Основная забегаловка – «Жили-были» недалеко от центра по причине дешевизны и разрешенного курения внутри. Интерьер и качество заказанных блюд оставляли желать лучшего, а после нескольких бокалов разливного пива не самого хорошего качества наутро отчетливо давало о себе знать похмелье. Ничем не примечательный вход напротив кинотеатра, совсем маленькое помещение для встречи посетителей, огромная очередь в туалет в вечернее время и вытянутый коридор в обе стороны, по центру которого – постоянно переполненная барная стойка, почему-то сильно привлекали гостей этого заведения. Столы или место за баром бронировать нельзя, таковы правила, поэтому спонтанно придя, можно было несколько часов простоять около скамеек в соседних дворах в ожидании свободного места, хотя и это никого не смущало. Имеющие какое-то количество денег про запас могли пойти в ближайший кинотеатр на один из сеансов, а таких, как мы, ожидало шатание по окрестностям.

В один из вечеров Солнце привел в «Жили-были» старого друга Андрея. Все, кто так или иначе сталкивался с ним, не могли найти общий язык и попросту считали странным. Мне же он показался вполне нормальным, одетым в черные джинсы и кофту с непонятным орнаментом, а также крайне спокойным при разговоре даже на провокационные темы. Андрей лежал в психиатрических больницах три или четыре раза, в том числе и по направлению от военкомата, хотя ничего толкового сказать о распорядке или времяпрепровождении не мог, так как не числился лицом на осмотре, а направлялся на лечение, по-моему, по причине приступов эпизодической шизофрении. Обколотому сильными медицинскими препаратами, ему было тяжело осознавать происходящее. Мы сели за столом напротив выхода из кухни, куда безостановочно забегали-выбегали официанты.

– Ну че, готов к психушке? – широко улыбаясь и немного наклонив голову, спросил Солнце.

– Понятия не имею, чего ожидать. Мне некомфортно и немного боязно. Хуевая система принуждения, – я настолько эмоционально ответил, что посетители за соседним столом нехотя повернулись и, скорее всего, начали прислушиваться к разговору. – Да и не факт, что полжат, я пока сходил только к психологу на беседу, – добавил после нескольких секунд тишины и шепотов обсуждения вокруг.

– Да расслабься, малой. Там как в советском санатории. Кормят, поят, а если надо, то и жопу подотрут, – заметил Андрей.

Он был немногим старше меня, наверное, ровесником Солнца и к большинству знакомых обращался именно «малой», хотя, скорее всего, не из-за возраста. Я уже встречал людей с подобной манерой общения и никогда не придавал значения таким словам. Это был один из немногих воскресных вечеров, когда никто из пришедших на встречу не напился и спокойно ушел на своих двоих. От «Жили-были» до нашей с Олей квартиры – не более получаса неспешной прогулки. Неудивительно, что большинство подобных встреч со знакомыми заканчивались попойкой на удобном диване в гостиной. Тот раз был исключением, и все отправились по домам обдумывать услышанное или просто ничего не делать, наслаждаясь последним выходным перед трудовыми буднями.

За несколько дней до встречи с Солнцем и Андреем я побывал в Центре психиатрии и наркологии на улице Менделеева. Искренне удивило месторасположение. Если смотреть на центральный вход, стоя к нему лицом, то чуть позади слева будет один из самых больших сетевых магазинов в окрестностях, за спиной – большая недостроенная православная церковь, а в здании центра с обратной стороны – вход в помещение какой-то разрешенной религиозной секты. Выбора у посетителей было предостаточно: взять дешевое спиртное в магазине и обмыть поход в психиатрию; отправиться в церковь замаливать грехи и просить исцеления в месте, которое существует за деньги ободранных до нитки прихожан и не платит налоги, или довериться секте и заполнить голову очередными бредовыми идеями нового времени. Сам район считался спящим. Дворы наполняли ворчащие бабки, уличная торговля процветала к периоду сбора урожая с дачных участков, раскрывая лавки-фургоны перед покупателями, а гопота так и стремилась стрясти у кого-нибудь мелочь или взять телефон позвонить. В 300 метрах находился пивной разлив. Видимо, по договоренности с местными патрулями милиции он работал по принципу: закрываюсь, когда хочу, и можете распивать купленное в пределах видимости отпускного окошка. В остальных знакомых мне частях города патруль при выявлении нарушения тут же составлял протокол. Если учесть, что напротив находилось родительное отделение одной из больниц, то договоренность с ментами была очевидна. Само здание центра ничем не примечательно, по-моему, половину занимала психиатрия, а вторую обычный жилой дом. Внутри все также вполне стандартно для государственных объектов: большое фойе сразу после входа, слева – справочное бюро, справа – регистратура, узкие коридоры с лавочками и кабинеты вдоль прохода. В отличие от районных поликлиник в регистратуре не нужно было ждать нескончаемой очереди. Я только показал направление, и мне назвали кабинет врача, к которому был записан. Помню, несколько раз постучал перед входом, но ответа не последовало. Набравшись смелости, зашел и удивился, что это не кабинет, а настоящая обустроенная прихожая. Спереди еще две двери, вокруг несколько стендов с книгами и брошюрами, вешалка для верхней одежды, диван из кожзаменителя и два подобных кресла. Из правой двери вышел Саша, приятель школьных лет.

– О! Привет. Ты ко мне? – с искренней радостью спросил старый знакомый.

– Привет. Не знаю, – ответил я, протягивая направление. Саша внимательно посмотрел на него и сказал:

– Зря ты записался к Васильевне. Ее не любит никто, не только направленные призывники, но и коллеги. Некоторые писали на нее жалобы. Безрезультатно: стаж и знакомства.

Его слова были безразличны. Встреча – неожиданная и приятная, не более того. Саша был всегда странным и непонятным для дворовых ребят. Общался исключительно с девушками, вел себя спокойно абсолютно в любых ситуациях и никогда не конфликтовал. Неудивительно, что он стал психологом. Всегда читал то, что для большинства казалось тяжело и непонятно, старался поддерживать всех мало-мальски знакомых в сложных ситуациях и стремился решать проблемы любым доступным путем. После девятого класса школы перешел в другую с углубленным изучением каких-то нетипичных для общего образования гуманитарных предметов. Связь стала теряться, а последние три-четыре года наши пути не пересекались. Непродолжительный разговор ни к чему не обязывал, мы попрощались, и я, постучав, зашел к неизвестной Васильевне. Мне показалось, что коридор был в более благоприятном виде, чем рабочий кабинет врача: шкафы по бокам, два письменных стола, сдвинутые вместе по центру, несколько деревянных стульев со спинками и грязный ковер с затертыми рисунками цветов на полу.

– От военкомата? – не здороваясь и не отвлекаясь от своих дел, задала вопрос психолог.

– Здравствуйте. Да, оттуда, – коротко и стараясь быть вежливым, ответил я.

– Садись. Давай направление, – ее слова прозвучали еще более грубо, чем первый вопрос. Это очень раздражало. Стараясь не подавать вида, выполнил указания.

– Ну и что ты хочешь в жизни? – мне не удалось ничего ответить, психолог непрерывно продолжала задавать вопросы и комментировать саму себя. – Посмотри на себя, ты как петушок крашенный. Зачем тебе сережки? А татуировки? Ты думаешь, ты крутой? Нет, ты ничтожество. В нормальном обществе на тебя никто не посмотрит, ты ничего не сделаешь, ничего не добьешься, – врач продолжала в этом духе не менее пяти минут, чуть не доведя меня до слез от такого хамского и недоброжелательного отношения.

Трясущимися губами от обиды и без возможности что-либо сделать сказал, что сейчас пойду в ближайший опорный пункт милиции и напишу заявление на оскорбление личности.

– На, – выдавила Васильевна и кинула на стол какую-то папку. – Иди в коридор, нечего тут места занимать.

– А что это? – осторожно поинтересовался.

– Увидишь, – раздраженно и крайне недовольно прозвучал ответ.

В папке было несколько листов теста. Вопросы откровенно неинтересные и с вполне очевидными ответами для любого адекватного человека: любите ли вы родителей, получили ли нормальное воспитание и все в этом духе. Видимо, для заполнения бумажек посетителями в одном из углублений коридора стояли неудобные деревянные лавки, составленные буквой «п», и несколько столов, которые сильно шатались и не давали возможности четко поставить галочку напротив выбранного ответа. Некоторые вопросы ставили в тупик, например, играл ли я с куклами. Если игрушки Бэтмена или Спайдермена к ним отнести, то вопрос спорный. Все с детства привыкли считать куклами девчачьи женственно-подобные игрушечные образы людей, но никак не супергероев, с которыми играют мальчишки. Постучался в кабинет к Васильевне и уточнил, что в вопросе имеется в виду. Помощь пришла незамедлительно:

– Пиши что хочешь. Закрой дверь, дует.

Не могу понять, как с такими манерами допускают работать с людьми, а тем более на должности врача-психолога. Сдав тест Васильевне с большим облегчением, вышел из Центра психиатрии и наркологии. Улица Менделеева казалась еще более мрачным местом последнего пристанища безнадежно загнанной системой. Я отчетливо видел всю грязь происходящего: бабок, которые бесконечно ругают прохожих, выкрикивают что-то неразборчивое с лавок около подъездов и жалуются на низкие пенсии; алкоголиков, которые только на дне бутылки «видят» спокойствие; врачей, наплевательски относящихся к пациентам. Нет света

во тьме. Люди становятся такими не благодаря хорошей жизни, а из-за постоянного угнетения со стороны власти, бесконечного множества декретов президента, принятия законов депутатами, не видящими заводских кварталов и не представляющими, как действительно можно улучшить ситуацию, ментов, которые охраняют порядок сложившейся издевательской системы и силовых структур, защищая от посягательств и критики. Первым делом после выхода из центра возникли мысли: столько стресса ради какой-то аббревиатуры ГО (годен к военной службе с незначительными ограничениями), НГМ (негоден к военной службе в мирное время, ограниченно годен к военной службе в военное время) или еще какой-нибудь закорючки на бюрократическом бланке с печатью. Тогда я не мог представить, что это было начало.

Через несколько дней отправился к военному комиссариату во второй раз за месяц. Ворота и два корпуса с дополнительными строениями на территории в закоулках одного из центральных районов города показались еще более не вписывающимися в современное общество и восприятие свободного человека. До этого посещения не замечал четкого разграничения госучреждения с бесплатной рабочей силой в лице военнослужащих срочной службы и прилегающего дворового участка, который убирается за счет оплачиваемых услуг жилищно-эксплуатационных служб. Если за воротами был хорошо постриженный газон, ведущие к парадным ступеньки и полы помещений вымыты до блеска и нигде не валялось мусора, то на дворовой территории за ними был разбитый асфальт, окурки так и резали взгляд, а трава была выжженного остатками осеннего солнца цвета и начинала увядать от похолоданий.

На этот раз раздеваться было не нужно. Я просто простоял за личным делом около полутора часов в очереди, начинающейся от ступенек перед входом и заканчивающейся в предбаннике второго этажа. При сдаче документов времени ушло не меньше. Как и многие, пытался пролезть вне очереди, объяснив ситуацию: отдам папку и уйду. Некоторые охотно разрешали пройти вперед, а завсегдаши, которых гоняли бесконечное множество раз по инстанциям, пытаюсь признать годными к несению службы, понимали, что помимо сдачи личного дела военный врач задаст кучу вопросов вроде уточнений адреса прописки, номера городского телефона по месту жительства и других, а на это уйдет далеко не одна минута, поэтому говорили категорическое нет на просьбы протиснуться вперед. Может, это стандартная обязательная процедура, тем не менее, буквально все уточняющиеся данные записаны прямо на обложке личного дела, и достаточно было спросить, поменялось ли что-то. А ведь еще в школьные годы при первом посещении военкомата стало понятно: там не работает излюбленная фраза постсоветских поликлиник и других подобных учреждений вроде «я на минутку, поставлю печать». Основная часть потока призывников действительно пришла получить один-два штампа или подпись белохолатника с погонами, а сотрудники военкомата намеренно тянут время. Есть (хотя это мои личные доводы) и совсем абсурдные примеры, помимо глупых вопросов: военный врач закрывает окно перед лицом призывника на перерыв по установленному графику – не поспоришь – или пятнадцатиметровая очередь ждет, пока медики допьют чай.

Везде бывают добросовестные специалисты, которые ответственно выполняют свои обязанности и не стремятся превысить полномочия ради личной выгоды. Именно таким мне показался психиатр военкомата: вежливый и открытый мужичок лет пятидесяти пяти. Постучавшись в дверь и получив разрешение войти, я первым завел разговор:

– Здравствуйте. Прошел психолога на Менделеева, – и передал документы врачу.

– Здравствуйте-здоровствуйте, – доктор принял бумаги и на некоторое время задумался, приложив шариковую ручку без колпачка к губам.

Я молчал и думал, что сейчас поставят штамп годности, отправят вниз и вручат очередную повестку с датой, в которую необходимо явиться на сборы распределения в войсковую часть неизвестного номера, а мне придется сообщить Оле печальную новость о вынужденном годичном отсутствии. Ни для кого не секрет, что есть какие-то негласные правила, по ним срочников чаще всего распределяют в военные части, расположенные не в городе проживания.

Логика вполне понятна: имея много друзей и близких в окрестностях забора, будет постоянное стремление уйти в самоволку или нарушить режим. Лишь изредка бывает, когда призывник без связей или взяток попадает в часть своего города, и чаще всего это не случайность. Такой исход распределения произошел с моим другом Сергеем: был замечен на митинге оппозиции, и его отправили в железнодорожные войска, которые славятся недоброжелательностью служивых, наплевательским отношением руководства к происходящему и далеко не самыми лучшими условиями содержания. Наше государство никогда не любило проблесков конкуренции, слышал не одну историю подобных воздействий на малейшую связь молодых людей с оппозиционными структурами. Военная часть, в которую попал Сергей, находилась не просто в его городе, а в нескольких сотнях метров от его дома.

После паузы разговор продолжился:

– Вам могли поставить три печати, подтверждающие легкое расстройство личности, и отсрочка или НГМ были бы получены. Понимаете? Дать второе направление в одно и то же учреждение не могу. По желанию можете пройти обследование в РЦПЗ... – психиатр несколько минут объяснял последовательность процедур и необходимость оценки комиссии.

– Примерно все понял. А что такое РКЗПУ? – забыв аббревиатуру учреждения, почему-то подумал, что вспомню, когда буду произносить. Получился несвязный набор букв, что заставило врача улыбнуться и убрать ручку от губ. До этого он старался не выражать эмоций и говорить максимально понятно.

– РЦПЗ – Республиканский центр психического здоровья. Это частично закрытое заведение. Призывники располагаются в корпусе, специально выделенном военкоматом. Ограничений в выходе или встречах с друзьями и близкими не будет. Понимаете? Пройдете обязательные процедуры, обследование, а после – разговор с комиссией, которая определит годность к несению воинской службы...

Большая часть разговора мне была непонятна. Стараясь говорить просто, психиатр использовал много медицинских терминов и формулировок. А потом произнес ключевые слова:

– ...от центра города вы можете доехать на 18-м автобусе...

Республиканский центр психического здоровья оказался неизвестными Новостями. Такое неофициальное название он получил в белорусском обществе и был широко известен как полузакрытая психиатрическая больница. В обиходе и разговорной речи полное название РЦПЗ никогда при мне не использовалось, поэтому при разговоре с врачом сразу не понял, что это за учреждение. Там проходили лечение как законченные алкоголики и принудительно направленные заключенные, так и порядочные бизнесмены при деньгах. От больницы Колчестер РЦПЗ был далек, хотя сомнения из-за небольшого волнения в подписи о согласии были. Прежде чем дал положительный ответ, меня убедили, что в Новостях, как на отдыхе в пансионате: бесплатно кормят, дают кровать и проводят тесты, которые оценивают психическое и общее состояние здоровья лица на осмотре.

Настало время ожидания неизвестного. Еще с раннего детства не любил места, про которые абсолютно ничего не знаю, а тем более огороженные высоким забором. Помню, лет в 9—10 меня отвезли в пионерлагерь имени Марата Казея. Будучи ребенком и не выдержав режима, графика распорядка и замкнутости пространства, ревел навзрыд при каждом приезде родителей. В конце концов, не дожидаясь конца смены, меня забрали домой. Сейчас ситуация была еще хуже: никто не заберет и не поможет.

РЦПЗ

Part III – «ни разу не санаторий»

Республиканский центр психического здоровья занимает большую территорию на улице Долгиновский тракт. Внешняя структура и планировка сильно впечатлили. Можно смело назвать Новости целым районом со своей инфраструктурой между городом и поселком. Он имеет внутренние двory практически возле каждого отделения, все дороги и тротуары продуманы и связаны между собой, видел только один магазин на территории, говорили, что их около пяти. Было всего несколько тупиковых направлений, и, на мой взгляд, они задумывались как место для отгрузки предметов первой необходимости, например, постельного белья и медицинских расходных материалов, так как в тупиках можно увидеть большие двери, напоминающие ворота гаражей для грузовых машин. Основные проходы просматриваемых мест были хорошо расчищены и убраны от мусора, который встречался только около лавочек и беседок. Мест для посетителей на открытом воздухе более чем достаточно. Урны стояли повсюду. Некоторые отделения огорожены еще одним забором внутри основного и перекрыты сверху колючей проволокой.

Незадолго до «прописки» в РЦПЗ понял, что не могу себе позволить оказаться в ограниченном пространстве, не зная, что приблизительно от него ожидать. Оказалось, никто из знакомых в Новости не попадал, хотя далеко не один находился в психиатрических больницах в разное время. Уже после выписки нашелся не просто приятель, а близкий человек, который из-за своих взглядов по решению справедливого и беспристрастного белорусского суда был некоторое время в Новостях, а позже в Гайтюнишках – психиатрической больнице закрытого типа. Еще больше удивился, когда выяснилось, что он лежал в том же отделении, в которое попал я. Толку от встречи с ним на тот момент не было, разве что приятно пообщались и поделились неизгладимыми впечатлениями.

Все лежавшие в психиатрических больницах в один голос заверяли, что там можно поправить здоровье, мол, хороший режим сна и отдыха, познакомиться с разными людьми, с которыми в дальнейшем можно поддерживать связь, кормят неплохо, а в свободном выходе для лиц на осмотре, то есть призывников, проблем нет, они же не пациенты. Никто из этих людей так же, как и я, намеренно не косил от призыва к срочной службе, но по тем или иным причинам попал в подобные учреждения для обследования. Был только один человек, которого военкомат направлял в психбольницу несколько раз по причине ежегодного изменения списка диагнозов с графой негодности. Он направлялся в дурдом, комиссия проводила оценку и делала вывод о невозможности несения воинской службы, а в следующем году приходила очередная повестка. Однако в военном комиссариате выяснялось, что с предыдущим диагнозом он может подметать тротуары и саперной лопаткой расчищать место под бордюры, хотя, если хочет попытаться счастья на очередной профнепригодный диагноз, может лечь на обследование еще раз, для установления годности в текущем году. В большинстве своем люди получали ответ при первом обследовании в психиатрической больнице. В любом случае такая добровольно-принудительная мера не должна быть нормой в цивилизованном обществе. Хотя кого это ебет в процветающей Беларуси последних двадцати лет?

Первый день в санатории показался мне не таким радужным, как его описывали врач и несколько знакомых, лежавших в других учреждениях психиатрии, например, на улицы Бехтерева. Если это и можно было окрестить пансионатом бесплатного государственного содержания, то с большой надписью на железных дверях с тремя замками – строгий режим. Постараюсь быть максимально последовательным.

Приемное отделение. Звонок и железная дверь. Вошел. Вроде как все не так плачевно, ну подумаешь психиатрия. По дороге встретил хорошего белорусско-говорящего парня Ваню, с которым мы и сидели в этом отделении, ожидая неизвестного. Найти приемную непросто, от основной проходной необходимо пройти еще около 100 метров вдоль высокого забора. Медики занимались своими делами, и им не было дела до призывников. Через каждый небольшой промежуток времени к дверям подъезжала скорая без световых и звуковых сигналов. Один раз пациент вышел из машины на своих ногах, еще в нескольких случаях наблюдал, как два человека, одетые в медицинскую форму, заносят кого-то на носилках. Регистратуры и справочной не было, большое фойе наполовину заполняли сваренные между собой арматурой неудобные пластиковые кресла и несколько лавок, а справа находилась стойка с дежурным персоналом. Подойдя к ней, мы даже не успели поздороваться:

– Да, именно оттуда! – бодро и в хорошем настроении ответил я. Радоваться было нечему, об этом мы узнали спустя минут сорок.

– Давайте документы и ожидайте, – ответил еще более раздраженный голос.

Ваня предложил присесть в кресло. Он был неразговорчив, но я вытянул из него некоторую информацию: в Новости попал впервые, хотя до этого был на обследовании от военкомата в областной психиатрической больнице, приписанной к населенному пункту его проживания. Разговаривал на белорусском языке, однако проскальзывали отчетливая трясанка и местечковые слова, так что речь не всегда понималась. Переспрашивать было неудобно, поэтому все, что я от него узнал, – это место работы на заводе, стремление переехать в большой город и то, что волноваться не нужно, дурдом для призывника действительно дело непривлекательное, все здесь легко и просто.

– Рябков! – раздался крик дежурной.

– Гэта, напэўна, мяне, – сказал Ваня и продолжил сидеть, уставившись в телефон.

– Рябков, подойдите! – кричали так, как будто помещение намного больше реального, с явным оттенком недопонимания, почему никто не появляется в зоне видимости.

– Рабкоў. Маё прозвішча Рабков, – негромко и отчетливо слышно заметил Ваня, встал и направился в сторону медсестры. По выражению лица было заметно, что ей было абсолютно плевать, как правильно произносится фамилия.

Прошло около получаса. Ваня скрылся в неизвестном направлении темного коридора, а мне ужасно хотелось курить. Зашел за железную дверь в надежде попасть на крыльцо, но услышал от сотрудника приемного отделения резкое «нет». Каждый входящий нажимает звонок, ожидает, и, когда оказывается внутри, за ним затворяют дверь на засов. По правилам выйти уже нельзя. Подумал: чего уж там, можно и перебиться пару часов. Вальяжно перекидывая ноги, продолжил наблюдать за постоянно бегающими медиками и скорыми, привозящими пациентов. Большую часть времени в фойе на приемке были только две медсестры. Помимо приезжающих скорых изредка видел врачей, но они не задерживались и проходили мимо, кивая дежурным головой в знак приветствия.

– Заплешников! – не так громко, как при вызове Вани, произнесла медсестра. Я быстро подошел к стойке, ответил на несколько вопросов о данных тела (рост и вес), после чего меня отправили в узкий коридор в первую дверь слева.

Постучался и зашел в ничем не примечательный кабинет. Кроме большого окна с решеткой, пожелтевшей от времени раковины, стенда с папками и стола с раскрытым журналом, там ничего не было. Даже отверстий для карниза. Значит, шторы или жалюзи не предполагались. Кабинет был открыт, однако врач лет тридцати вошел только через несколько минут и отметил, что хорошо, что я зашел, не дождавшись разрешения, потому как многие блуждают по коридору и теряют много времени, не находя нужную дверь. Снаружи действительно было темно от стойки дежурных вдоль прохода и до еле виднеющейся последней двери (может, так и заду-

мано). Ручку для записей в журнал врач достал из наружного кармана и стал спокойно говорить, задавая вполне обычные вопросы:

– Вы нормально себя чувствуете?

– Да. Только голова немного болит, это, скорее всего, от волнения.

– Не было незафиксированных сотрясений мозга? Как часто у вас болит голова от переживаний?

– Я имею в виду, что не выспался, боялся, что опоздаю, поэтому волновался. Нужно было к восьми, успел приехать только в девять. А так нет, не часто болит и общее самочувствие почти всегда нормальное. Сотрясений не было...

Мы говорили около десяти минут. Врач был любезен, вежлив и задавал вопросы в разговорной манере так, чтобы я чувствовал себя комфортно. У него хорошо получалось. Последние вопросы были про алкоголь, курение и наркотики. Я приврал, сказав про негативное отношение к первому и последнему.

С призывниками в РЦПЗ возиться не любят. Причины стали понятны еще при посещении психиатра в военкомате: тесты и анализы сдаются за три-четыре дня, а гуманное социальное государство оплачивает пребывание в психиатрии на 12—14 суток. Это отнимает у врачей и другого персонала дополнительное время: осмотреть, накормить, поменять постельное белье. Кроме того, в окрестностях немало питейных заведений и благоприятных мест, скрытых от глаз прохожих и сотрудников милиции, а имея свободный выход, можно прилично выпить, что нарушает правила пребывания таких учреждений, или занести стеклянную тару в отделение для людей с суицидальными наклонностями. С точки зрения здравого смысла, необходимо было вообще запретить продажу винно-водочной продукции в окрестностях психиатрических больниц, хотя и здесь все понятно: для кармана чиновников и предпринимателей это неплохая прибыль, ведь алкоголь в Беларуси недорогой, и имея даже низкий уровень дохода, без проблем можно найти дешевое крепленое вино, которое небезызвестно окрестили чернилом или бырлом.

После разговора с врачом меня направили в ту самую еле виднеющуюся дверь в конце темного коридора, где снова встретился Ваня. В просторном фойе бродили пациенты, а чуть дальше располагался открытый кабинет, из которого показалась медсестра. Ваня стоял, опираясь поясницей в подоконник на приличном расстоянии и, скорее всего, сразу меня не заметил, все так же, как и в приемном отделении, уставившись в телефон.

– Слышь. Привет. Дай позвонить, а? – раздался голос за спиной. От удивления и небольшого испуга я подскочил, на лбу пробился пот.

– Эээ... привет... – даже не знал, что ответить.

– Нельзя тебе телефон, Петя, тебе же сказали. Нечего тут выпрашивать у призывников, – вовремя и быстро сказала подбежавшая медсестра, которая мелькала из открытой двери. На разговор отреагировал Ваня и подошел к столпотворению, сразу начав интересоваться:

– Добры дзень. А куды нам ісці? Вы павінны накіраваць, так?

– Что вы говорите? – переспросила медсестра, не понимая вопроса. Сложилось впечатление, что никто из нас не удивлен отсутствию знаний белорусского языка у персонала государственного учреждения.

– Вы нам должны сказать, куда направиться, или кто-то другой? – уточнил я.

– Да, пойдёмте, пожалуйста, – ответила медсестра, показывая рукой на открытый кабинет.

Она задавала примерно те же вопросы, что и врач, делая очередные пометки: курите, употребляете алкоголь или наркотики, как себя чувствуете. Примерно через 10—15 минут разговор был завершен, и никто из нас не понял выражения: «в отделении для призывников мест нет, пойдете в 29-е». Сразу почувствовался подвох, еще больше захотелось выйти, выкурить полпачки сигарет за раз и никогда сюда не возвращаться. Тем не менее, бежать было некуда

и незачем. При всей постсоветской бюрократии Республики Беларусь все же какие-то рамки, хладнокровие и здравый смысл нужно сохранять. Да и был уверен, что пришел в санаторий, хоть и организационного построения советского типа.

Временное место жительства Part IV – «лучшее отделение в мире»

Когда начал писать повесть о пребывании в психиатрии, не задумывался о кавычках в названиях подзаголовков, теперь отчетливо понимаю – они как нельзя кстати. Не могу сказать, что есть четкие разграничения между плохим и хорошим отделением РЦПЗ, однако лучшим, в полном смысле этого слова, ни одно ни при каких условиях назвать нельзя.

29-е отделение открывает двери для наркоманов, алкоголиков и лиц с суицидальными наклонностями. Есть и призывники, которые так же, как и я с Ваней, опоздали на раздачу палат в отделении, выделенном военкоматом, и мест не осталось. Немного суетясь и пройдя под большой связкой двух зданий, мы зашли вовнутрь. Большая железная дверь с оттенком ржавчины по обе стороны была открыта, дальше – небольшой предбанник, фойе и несколько нелогичных разветвлений. Видимо, были какие-то стандарты при постройке не только госучреждений, но и других зданий 50-х годов прошлого века. Я уже бывал в подобных помещениях: недалеко от родительского района находились жилые дома постройки того периода времени, планировка примерно такая же, за исключением лестниц. Если в знакомых домах лестницы размещались сразу за предбанником, то в психиатрии до них нужно прилично пройти, хотя и направления сторон были идентичными, такими же были ступеньки, сильно изношенные временем, и двери с проступающей коррозией. Выглядело это примерно так: предбанник, фойе, узкие проходы направо, налево и вперед, через два-три метра от них – аналогичные пути, откуда снова можно увидеть такие же разветвления. Абсолютно никакой экономии места и пространства.

Нас ждало еще одно оформление. Повернув налево и начав искать нужный вход, из открытой двери позвал врач, который задал точно такие же вопросы, как в регистратуре и двух предыдущих кабинетах, после чего сказал, что наш вход напротив, и попросил уйти. Мы вышли и увидели уже современную плотно закрытую пластиковую дверь со звонком. Позволив несколько раз, Ваня услышал, что кто-то идет, и мы простояли еще несколько минут. Я было попробовал коснуться звонка, и в этот же момент дверь отворил неухоженный и с явным оттенком безразличия в глазах пациент. Признаться, он испугал не только меня, но и, казалось бы, прожженного психиатрией Ваню.

– Вы что, номером ошиблись? – без никаких эмоций прозвучал вопрос. Было ощущение, что у пациента даже не шевелились губы.

– Вось, – сказал Ваня и протянул бумагу направления.

– Степановна! – громко крикнул встречающий, оборачиваясь назад. – К тебе туристы.

Мы ждали хоть какой-то реакции или призыва к действиям еще около минуты. Из-за спины пациента раздалось неразборчивые слова, он махнул рукой и сказал:

– Новенькие, блять. Они же дети!

Мы прошли по длинному холодному коридору метров тридцать. Окрашенно-обшарпанные стены и запах сырости придавали помещению атмосферу Богом забытого места. Другие пациенты, кроме безразлично шатающегося встречающего, тихо отдыхали в палатах. Приехав к девяти утра, лишь часть процедур оформления удалось пройти к началу третьего, когда начался тихий час. На пункте дежурства с небольшим углублением коридора для стола и личных вещей нас встретила улыбчивая медсестра. Чуть правее за ним находился кабинет для анализов: мазка из заднего прохода, мочи, забора крови на гепатит и ВИЧ.

– О, мальчишки, а куда же вас селить? Вы от военкомата? – начали сыпаться вопросы без приветствия. Ответы были очевидны.

– Да, именно оттуда... – произнес я, уже не таким бодрым голосом, как в приемном отделении. Усталость сбивала с ног, даже улыбнуться в ответ не представлялось возможным.

– Вилки, ложки, чашки, провода, ремни, стекло есть? – спросила другая медсестра, не отводя глаз от журнала выходов и что-то бесконечно заполняя.

– Да, – коротко ответил и показал на ремень. Ваня сделал тот же жест, приподняв застегнутую куртку из кожзаменителя.

– А что в рюкзаках? – спросила первая медсестра.

– Там ноутбук для работы, пару йогуртов и питьевая вода.

– У мяне тожа, – добавил Ваня. – Толькі ёгурта няма, а вада и ноут ёсць.

– Какой работы... ладно, ноутбуки можете оставить, только подзарядки дайте и ремни снимайте, не положено... железяки всякие и телефоны... нет, телефоны оставьте, просто не светите, – беспрекословно начала перечислять разрешенное и запрещенное медсестра.

На этом этапе забрали буквально все, что могло пригодиться. Как в издевку, разрешили оставить ноутбук и телефон, но толку-то – батареи на нуле. Да и если позволить оставить зарядные устройства, они не сыграли бы никакой роли – розеток в общих палатах нет. Об этом и многих других ограничениях мы узнали несколько позже. Ваня, не скрывая, удивлялся и постоянно повторял, что в прошлый раз такого и подавно не было, в той психиатрии все его действия заключались в прохождении тестов раз-два в неделю и распитии спиртного с другими пациентами.

По распределению попали в первую палату, напротив пункта дежурства медсестер и справа от комнаты отдыха персонала. Там было восемь кроватей, возле каждой – маленькие тумбы. По центру, между двух плотно закрытых окон с решетками, стоял стол с какой-то литературой и государственными газетами, которые пестрили громкими заголовками о подвигах колхозников в сборе урожая и перевыполнении планов трудягами на заводах. В нос сразу же ударил сильный запах грязных носков с какими-то примесями, сложно было разобрать. Я сел на дальнюю кровать справа, ближе к окну, из которого поддувало, достал припрятанную ложку и начал есть йогурт. Вошедшая медсестра, которую до этого было не видно, заметила железный предмет у меня в руках и не подала вида. Два пациента, играющие в карты, показали указательным пальцем, что необходимо соблюдать тишину, и развели руками в сторону – большая часть пациентов спит. Мы с Ваней последовали инструкциям. Ближе к пяти началось шевеление, в коридоре слышались громкие топанья и разговоры, а пациенты начали с нами знакомиться.

– Привет. Вы тоже от военкомата? – спросил малыш лет шестнадцати на вид.

– Привет-привет. Да, направили, блин. Что тут и как? – ответил и начал задавать вопросы я. Лежащий на кровати напротив Ваня с безразличием снова уставился в свой телефон.

– Хуево все тут. Пиздец просто. Я тут уже семнадцатый день и вряд ли выйду завтра, – вмешался в разговор еще один прописанный. – Мне тут личное дело в военком отправили еще около недели назад, так не идет, сука. Не выпускают, говорят, нельзя, пока от комиссариата ответ не получим, что документы дошли. Там дальше по коридору вообще чернь, лучше с ними не разговаривать. Не знаю, чего нас селят ближе к выходу, может, чтобы свободу чувствовали, а ничего сделать не могли, или хуй его знает... – он говорил на эмоциях, отчетливо чувствовались отчаяние и безвыходность. – Меня Вова зовут, или Володя, как хочешь в общем.

– Я – Дима. Надеюсь, такого со мной не будет. Там Ваня, – сказал и показал пальцем на своего соседа, который по-прежнему не интересовался разговором и никак не реагировал.

– Да похуй тут всем, на что ты надеешься и что хочешь. Вон смотри – совсем дети тут лежат, это что, бля, нормально?

– А тебе сколько лет? – спросил я, поворачиваясь к малышу, который первый со мной заговорил.

– Скоро девятнадцать будет. У меня сотрясения были зафиксированные, а мама сказала, что я пару раз еще ударялся головой и не обращался к врачу. Решили обследовать. Я Шурик, кстати. – Мы пожали руки, и на этом наша беседа прекратилась.

На ужин почти никто из нашей палаты не пошел. Общались, делились впечатлениями, догадками о том, что будет. Продуктивным тот день не назовешь, хотя и бесполезным нельзя. Я действительно отчетливо понимал слова Вовы, быдловатого пациента лет двадцати пяти. Несмотря на то, что он матерился как сапожник и порой не контролировал эмоций, были в его словах здравые мысли: как государство может направлять таких малышей, как Шурик, на принудительное обследование. Неудивительно, что ему поставят не ахти какой хороший диагноз, ведь каким бы закрытым ни был человек, он переживает происходящее, и в его возрасте, с внешним видом ребенка, вежливой и доброжелательной манерой общения, можно сломаться в первые часы пребывания в таком учреждении и начать смотреть на мир негативно.

Целый вечер я бесцельно слонялся по коридору, сидел в фойе и пытался найти более-менее подходящего человека для общения или времяпрепровождения. Не удалось. Действительно заметил такую особенность отделения, которой не придал значения при разговоре с однопалатниками, – дальше по коридору вообще чернь, лучше с ними не разговаривать. Может быть, это случайность, что ближе к комнатам отдыха, анализов и пункту дежурства с большего находились воспитанные и аккуратные люди, в то время как через несколько десятков метров палаты были заполнены неопрятными и по-хамски общающимися индивидуумами.

Призывников в отделении можно было пересчитать по пальцам. Основная часть пациентов – алко- и наркозависимые, с отчетливыми оттенками заболевания на лицах и телах. Алкоголики держались отстраненно и старались ни с кем не пересекаться. Даже случайные разговоры в туалете или фойе заканчивались стремлением уйти или не подавать вида, что кто-то рядом. Наркоманы были общительные и постоянно пытались втереться в доверие, чтобы стясти пару-тройку тысяч на непонятные цели: сигаретами их угощали безвозмездно, а ломку от наркотиков медики хорошо перекрывали опиоидными заменителями. Есть сомнения в том, что они вообще могли купить на стороне противозаконные для отделения препараты. Призывников не старались обыскивать или нюхать на употребление разных веществ, а наркоманов или алкоголиков проверяли при каждом обходе: поднимают матрас, внимательно посмотрят в тумбу, хорошо проверят карманы висящих в общем шкафу вещей. Чуть меньше было суицидников. Так же, как и алкоголики, они старались забиться и не выходить из своего ограниченного мира с одной лишь разницей: постоянным стремлением получить доверие от персонала, чтобы им разрешили выполнять какие-то работы вне стен отделения и без надзора. Несколько человек страдали депрессивным синдромом, видел их только мельком на приеме лекарств и в столовой.

Первые знакомства оставили сильное впечатление:

– Привет. Ты почему здесь? – спросил я одного пациента, сидя на лавочке напротив фойе.

– Друзья-суки. Передознулся, совсем плохо было. Не откачали, а вызвали карету скорой. Ну меня и дернули сюда. Мамке-папке похуй, поэтому отказа от лечения подписать не могу, три месяца буду околачивать стены. Сильно хуево было первое время, ломало. Сейчас попустился, даже срать под себя перестал, – ответил собеседник. – Вон у Ромы спроси, что и как по наркоте у нас, он тебе расскажет, – немного подумав, добавил и махнул рукой в угол, показывая на еще одного сидящего молодого человека.

Рома сидел в задумчивой позе, уставившись в пол. Я последовал совету случайного знакомого и подошел к нему. В палате распределения поговорить было не с кем: Ваня торчал в телефоне без перерыва, изредка выбегая на несколько минут его подзарядить на пункт дежурства, быдловатый Вова меня не интересовал, а у малыша Шурика еще не сложилось четкого представления об интересах, поэтому от него можно было услышать лишь то, что здесь плохо и хочет поступить в политехнический университет в следующем году.

– Привет. Чего скучаешь? – я попытался завести разговор. Собеседник долго не реагировал и смотрел в пол.

– Потому что скучно, – коротко ответил он. – Я – Рома.

– Меня Дима зовут, я на обследовании от военкомата, – так сложилось, что большинство друзей и знакомых знают меня по прозвищу. Последнее время редко приходилось представляться именем, поэтому было непривычно, когда оно звучало из моих уст больше десятка раз за текущий день.

– А, ну понятно, – было совершенно ясно, что собеседник не хочет общения, продолжив все так же смотреть в пол.

– Ты как сюда попал? – после нескольких минут молчания я все же решился задать вопрос Роме по совету первого случайного знакомого 29-го отделения вне палаты.

– Мне 20 лет, ман, 20 лет, ебанный в рот. Взяли с травой, дебилы-мусора... Было там все-то на раз покурить, и то, не насладившись... Говорю, отпустите, мол, жизнь ломаете, а они ржут мне в харю, и не ебет, пойдем, оформлять будем... Дал деру, прибегаю к корешу, говорю, мол, так и так... Пробили юристов-адвокатов по этим делам. А они такие, бля, на хуя ты бежал... Смысл-то не в этом... Говорят, ну, по-хорошему, тебе троечка светит, но по-хуевому все пять, а то и семь в плечи. Отмазать никак вообще, подвязок ноль, да и бабок не особо. Говорят, можем взяться, а если гарантия нужна хотя бы на скостить срок, это не в нашей стране... – Рома говорил около пяти минут. Не останавливаясь и моментами чуть не захлебываясь слюной от злости и непонимания системы. Он уже не смотрел на пол, а уставился прямо в глаза так, что я отчетливо видел проступающие слезы обиды, – ...подождали мы с корешем вечера, пошли накидались, он домой, а мне нельзя, мусора ждут. Взял еще пол-литра белой, пошел на крышу, выпил и хотел скинуться. А тут мама звонит, говорит, мол, где ты, как, тут менты во всю хату трясут. Ну я и говорю: «Прости, мама, я тут на крыше, сейчас сигану». Через минуту уже слышу мигалки, там мусора, скорая, все дела. Короче, уговорили не прыгать, и в дурку... так понимаешь, ман, даже, бля, не говорят, на сколько, а если и выйду отсюда быстро, сяду или нет, непонятно. 20 лет, бля, 20 лет, и на пятерку сесть...

Мотивация Ромы вполне понятна. Ему 20, амнистии и поблажки в нашей стране за наркотики не предусмотрены, и неважно, нес ты полграмма марихуаны или героина, срок будет примерно одинаковый. Провести четверть жизни на зоне никому не хочется, особенно в таком возрасте, когда еще толком не знаешь, что будешь делать дальше: работать, учиться, создавать семью или просто отрываться еще несколько лет по кабакам и клубам.

Чуть позже встречались и интеллигентные люди. Воспитанные, начитанные, с достойными и интересными взглядами. В большинстве случаев их семьи думают, что в Новостях помогают вылечиться от алкоголизма, хотя сами понимают: без желания зависимого ничего не исправимо. Алкоголизм заключался в банальном нежелании быть системными, потому как ни для кого не секрет, что, если человек думает иначе, на него смотрят косо, независимо от уровня образования, интеллекта или внешнего вида. Попросту говоря, они ломались под бесконечным давлением.

Несмотря на усталость и неполное осознание того, что со мной произошло, старался максимально приблизиться и адаптироваться к обстановке на ближайшие две недели. С первых мимолетных разговоров стало понятно, что в Новостях ни о какой легкости и простоте не может идти и речи: принцип ограниченности, выходы с 11:30 до 14:00 и с 17:00 до 19:00, и то только нескольким группам пациентов и лицам на осмотре от военкомата. Позже выяснилось, что даже в это время выйти не всегда удается, так как бывают обходы: врач, куда не торопясь, проходит по палатам и демонстрирует свою власть, как павлин в брачный период, чаще всего именно в промежутки дозволенного свободного выхода.

Особенно тяжело суицидникам и принудительно направленным наркоманам. Такие группы пациентов выводят на час под надзором и далеко не каждый день. Чаще всего они могут погулять и подышать свежим воздухом, только когда РЦПЗ ожидает проверку или у докторов хорошее настроение. Алкоголики через десять суток могут выходить на прогулки, как лица на осмотре с первого дня, хотя и не покидать территории. Официально призывники тоже

не могут выходить за контрольно-пропускной пункт. Тем не менее, знаете, как в анекдоте, который мне рассказал один из пациентов:

– Хай! Я неуловимый Джо! Налейте мне виски! – громко крикнул ковбой, забежая в кабак. Бармен налил стакан, потом второй, третий.

– А почему он неуловимый? – начали шептаться посетители.

– А кому он нужен?! – ответил опытный ковбой, одиноко сидящий за крайним столом.

Не пошел на ужин. Уже около девяти вечера захотелось просто лечь на кровать и погрузиться в сон. От отвратительных запахов и шума заснуть не удалось несколько часов. Даже когда в палате отчетливо стали слышны храп и скрип кроватей от произвольных сонных движений пациентов, глаза не хотели смыкаться и наблюдали за еле видимыми сквозь оконную решетку проявляющимися звездами. Судя по отблеску телефона, Ваня также не мог заснуть и оторваться от своего пластмассового друга. Скорее всего, я просто резко отключился и открыл глаза рано утром, да и то не по своей воле. Обычно отчетливо помню последние минуты перед сном, за исключением вечеров, когда организму требуется немедленный отдых и контроль над смыкающимися глазами и расплывающимися мыслями отсутствует.

Проснулся от крика медсестры. В палате почти никого не было. Выглянул за дверь и увидел чуть ли не бегущих пациентов в дальний конец коридора в обратную от выхода из отделения сторону. Помню, подумал: если бы они хотели выйти на улицу, все бы было понятно, а они направляются в никуда. На самом деле тупик оказался столовой, которая действительно большую часть времени была закрыта, а дверь, покрашенная со стенкой в однотонную серо-желтую краску, в буквальном смысле сливалась и казалась ее частью.

– А ты чего ждешь? – посмотрев в мою сторону, крикнула медсестра.

– Не хочу есть, – протирая глаза, выдавил я.

– Что значит не хочу? – медсестра с трудом сдерживалась от ругательств.

– Просто не хочу. Я только вчера приехал, не выспался, все храпели, тут воняет. Лучше посплю, пока никого нет.

– Слушай, появись хотя бы в столовой, а там разберемся, будешь жрать или нет...

Выполнил указание медсестры и зашел в столовую. Казалось, что воняет еще больше, чем в палате, хотя более съедобным запахом. Слева большое углубление со столами и стульями, прямо – еще одно для отработанной посуды, перед столами – окно, видимо, для выдачи пищи, по инструкции к нему подходить нельзя. Вся тара с блюдами к приходу пациентов уже на столах. Есть не стал, немного постоял и отправился попробовать поспать, что тоже не удалось, так как около десяти утра в отделении начались еще большие оживление и шум. Кому-то говорили о завтрашней выписке, некоторым назначали анализы и другие процедуры, а несколько человек приехали на прописку с врачами скорой помощи. Бесцельно шатаюсь по коридору и палате, ничего дельного на ум не приходило, ноутбук и телефон были разряжены, все, с кем так или иначе можно было поговорить, занимались своими делами: играли в карты или другие незнакомые мне игры, читали, спали, несмотря на шум, или бегали по подсобкам, пытаюсь выпросить чистое белье или разрешение покурить в неположенное время.

Около часа дня криком позвали на обед. Ничего особенного: суп, гречка с котлетой и компот. Все в железной посуде, естественно, без острых краев. По-моему, я впервые ел кашу и котлету столовой ложкой, хотя бывало разное. Официально вилки и тем более ножи в отделении не разрешены, предполагаю, что и во всей психиатрии, тем не менее, если подойти и тихо-нечко попросить у повара нормальный столовый прибор, предназначенный для такой пищи, то за несколько сигарет хорошей марки или интересную книгу на время, его можно получить. Об этом я понял не сразу, а к моменту моего осознания такой возможности необходимости не было – перестал есть в столовой. Посуда под счет. Если чего-то не досчитаются, начинается кипиш.

Правила для всех

Part V – «местность и режим»

Бесцельно слонялся по отделению. Узкий коридор занимал около ста пятидесяти метров в длину с большим углублением в виде фойе, сделанным вроде как для отдыха пациентов. Еще в первый день заметил большое столпотворение в нем и не придал этому значения, думал, что пациенты что-то обсуждают. На деле почти каждую неделю в разные дни психиатрию посещает приходской священник из православной церкви. Отойдя метров тридцать от КПП в сторону беседок напротив небольшой стоянки, можно было наблюдать купала здания храма. Я крещен с младенчества и с большим уважением отношусь к крестным родителям, хотя заходить в церковь не было никакого желания. Несколько лет назад пришел к вполне осознанному выводу, что христианские, как и другие храмы, являются проявлением системного заточения, стремясь, как и государство, содрать последние гроши с прихожан, продавая свечи, иконы и другую атрибутику, при этом отдавая копейки на льготные налоги (а некоторые вообще отсутствуют для церкви в виде исключения) и тем более реальные нужды общества: улучшение инфраструктуры, помощь нуждающимся в должном объеме. Список можно продолжать бесконечно. Безусловно, такие места должны быть, это часть многотысячной истории человечества, однако последние несколько веков они превращаются в пристанище безнадежных либо в самое абсурдное, что можно себе представить. Один из ярких примеров современной бизнес-церкви: освящение священнослужителем огнестрельного оружия или автомобилей за определенную сумму. Территорию церкви увидеть не удавалось, она была огорожена не хуже дурдома, разве что без колючей проволоки сверху забора. Прихожанам разрешалось выполнять какие-то работы в обмен на койко-место, пищу и, возможно, небольшое денежное вознаграждение, поэтому некоторые выписавшиеся пациенты, не имея другого варианта крыши над головой или возможности устроиться на более-менее оплачиваемую работу, ради собственного содержания с последней надеждой отправлялись туда.

Беседки между КПП и церковью так и пестрили колкими нацарапанными или написанными маркерами выражениями вроде «лучше две недели в психушке, чем полтора года в сапогах». Кругом были хвойные и лиственные деревья. Путь по тротуарам казался крайне живописным, хотя стройка напротив храма немного раздражала шумом и матерным общением рабочих. Всегда казалось, что строители разговаривают на своем, не понятном никому языке, и дело даже не в матах, а в словосочетаниях: «подай мне эту хуйню», «слева напротив той пизды», «ну там, где стоит этот дебил». И такие обращения были направлены к людям, стоящими спиной к просящему, то есть даже без усилия они по непонятным выражениям для среднестатисти-

ческого человека догадывались, где, с какой стороны и недалеко от кого лежит необходимый инструмент. Несмотря на подпорченную погоду (резкие осенние ветры и небольшой дождь время от времени), на улице было оживленно: пациенты гуляли в дневное свободное время перед обедом, врачи общались, а подсобники что-то носили из одного корпуса в другой. Первые дни, проходя мимо окон, был удивлен, почему люди шатаются по улице в непогоду, потом понял – заняться в психушке больше нечем.

– Эй... ммм... прости, забыл, как тебя зовут. Пойдешь вечером гулять? Ваня предлагает выпить за знакомство, – раздался голос за спиной.

– Вы от военкомата? – раздался раздраженный голос медсестры. Чуть левее сидела еще одна, не обратившая никакого внимания на пришедших.

Обернулся и увидел Шурика, который улыбался, видимо, от спонтанного предложения нового прописанного в палате и шмыгал носом каждые несколько секунд, вытирая его рукавом клетчатой рубашки.

С первых минут в отделении было понятно, что пациенты, которым за 30 лет, не особо следят за внешним видом, независимо от получаемых медикаментов. Главное, чтобы было тепло, уютно и комфортно. Более младшие по возрасту пытались показать себя с лучшей стороны, исходя из принципа «по одежке встречают, по уму провожают». Шурик был одет как с иголочки: фланелевая рубашка в клетку явно куплена незадолго до попадания в психиатрию, совершенно неудобные плотные джинсы темно-синего цвета, которые мешали ему нормально садиться на стул, резко поворачиваться, вставать или ложиться на кровать. Это было отчетливо заметно и невооруженным глазом. На руке дешевые, хотя и аккуратные часы в пластиковом красном корпусе. Иметь такой аксессуар в 29-м отделении не положено, как уже говорилось, персонал закрывает глаза на некоторые неопасные для пациентов вещи. Особого определения безопасных вещей в психиатрии нет. Мне рассказывали случаи, когда признанные вменяемыми пациенты, которых ожидал суд через несколько дней, глотали ложки или другие предметы, пытались вскрыть себя острыми частями разбитых керамических изделий, осколками плитки или делать вид, что вешаются, обмотав куски простыни об радиаторы отопления или дверные ручки. Потолки были около трех метров в высоту, и даже те лампы, на которых можно затянуть петлю, казались недосягаемыми без сторонней помощи. Смысл таких действий в том, что врачи не хотели брать на себя ответственность (кто его знает, действительно пациент хотел покончить с собой или делал вид), поэтому вместо суда и отправки на зону таких персонажей ожидало продолжительное лечение от попыток суицида в психиатрии. Если на зоне есть четкие разграничения своеобразных рангов и статей (к примеру, педофилов, выражаясь жаргоном, опускают до степени, когда человек находится на грани), то в дурдоме такого нет. Ничего не значащий или опущенный для уголовного мира преступник мог запросто построить невменяемых пациентов, отобрать сигареты или другие предметы, которые его интересуют, как и договориться на смягчение режима у медперсонала за взятки, обмены и какую-либо помощь: постоянную уборку территории, разноску контейнеров с пищей в соседние отделения, мытье полов и многое другое. Своими глазами увидеть такое не удалось, хотя рассказы ходили по отделению от разных людей, у которых не было причин привирать.

– Да, с удовольствием выпил бы чего-нибудь горячительного, – не задумываясь, ответил я.

– Давай тогда попробуем отпроситься минут за десять до пяти, чтобы не было очереди при заполнении журнала выхода, – добавил Шурик. Мы переглянулись, поняли друг друга и пошли в разные стороны.

Меня догнал резкий выкрик:

– Все по палатам! Быстро! – голос звучал недовольно, с оттенком строгого приказного тона.

– Что случилось? – спросил я у проходящего мимо пациента.

– Все нормально, тихий час, – удивленно ответил он. Сложилось впечатление, что пациент подумал, почему я об этом не знаю, не маленький же.

В палате никто не спал. Пациенты по-прежнему играли в карты, шахматы и другие игры, а лица на осмотре разговаривали между собой. Только Ване ни до чего интереса не было, он все так же торчал в телефоне. Вова пытался заснуть, бесконечно переворачивался на кровати, но так и не осмелился попросить общающихся вести себя тише. У него и самого громкая манера разговора, что мешало всем в позднее время. Вова знал, что, если сделает замечание, впоследствии упреки будут поступать от всех прописанных, поэтому всячески пытался показать недовольство. А вот Шурик был на эмоциях. Хорошо ощущалось его искреннее улыбочивое настроение, потому что перед нами были призывники, которые его обижали и точно не хотели разговаривать с малышом. Я, напротив, стремился узнать что-то новое, понять режим и систему, наказания, которые могут применить к лицам на осмотре, а помимо Шурика, никто ничего дельного сказать не мог: не имел желания либо ему было абсолютно похуй.

– Уже скоро-скоро... – безостановочно повторял подобные фразы Шурик с двух тридцати и до самого выхода.

– Не напряжайся, добра? – через полтора часа повторений один раз заметил Ваня и снова уперся взглядом в телефон, нажимая на сенсорный экран.

Мы подошли к пункту дежурства медсестер и попросились выйти на десять минут раньше, нам разрешили поставить запись о выходе заранее, но все же сказали ждать возле плотно запертой двери. Ровно в 17:00 по немного спешащим часам раздался свист и из второй палаты показался пациент. Впервые видел, как женщина бальзаковского возраста в белом халате свистит, как хулиган во дворе, подзывая друзей. Пациент, не торопясь, подошел к пункту, поздоровался, обсудил несколько интересующих его вопросов по процедурам и взял обычную оконную ручку. Отворить дверь и выйти без такого нехитрого приспособления из 29-го отделения можно было, только если большую пластиковую дверь открыли снаружи либо у стоящих в очереди на выход имелась плоская отвертка или столовая ложка, а такие предметы пронести удавалось далеко не каждому. Через несколько дней понял, почему настенные часы, подвешенные на большой высоте, немного спешили: отпустив пациентов раньше в будний день хотя бы на несколько минут, можно было попасть на спонтанную проверку. Бывали случаи, когда персонал за это получал денежный выговор помимо простой ругани от руководства. Таким образом медсестры себя перестраховывали. Кроме того, чтобы настроить часы, нужно было вызывать подсобных рабочих, которые в большинстве своем не отличались от бывалых алкоголиков, а с трясущимися конечностями отправлять их на стремянку опасно. Мы вышли на улицу, я сделал глубокий вдох свежего воздуха и направился по длинной дороге к выходу с территории.

– ...здесь есть нормальный магазин и бар сбоку, минут десять идти. Лучше пройти или проехать к торговому центру All, там все дешевле, хотя фиг его знает, сколько автобуса ждать, а идти подольше, минут двадцать... – консультировал меня и Ваню Шурик после прохождения КПП.

– Вообще нам ходить никуда нельзя, говорят, гуляйте возле отделения, там лавочки есть, ветер не дует. Но у меня на вахте еще ни разу не спросили, откуда и куда.

– Малы, у нас часу няма, давай у ближэйшую краму, – сказал Ваня, и мы отправились дворами к ближайшей лавке за алкоголем, проходя вдоль церкви и стройки.

Это был обычный магазин для поселков городского типа, который совершенно не радовал ассортиментом. Пиво – только белорусского производства и без особого выбора. Что-то перекусить можно было найти без проблем, хотя в первую очередь нас интересовал алкоголь «за знакомство». Предложение взять крепкое спиртное сразу отклонилось: Ваня не хотел, а Шурик заявил, что быстро захмелеет и нам придется поднапрячься, чтобы завести его обратно. Как и в большинстве мелких магазинов, винно-водочный отдел находился

напротив бакалеи и промтоваров, возле него толпилось несколько замученных работяг, скорее всего, идущих со стройки и решивших запить горе низкой заработной платы дешевым плодово-выгодным вином. Их комбинезоны выглядели немало повидавшими, не было даже маленького просвета чистого места – все заляпано краской и строительными смесями. Где-то слышал, что в грязной рабочей одежде проезд в общественном транспорте не разрешается, дабы не создавать неудобств опрятным пассажирам. Здесь это никого не волновало. Рабочих из соседних строек коттеджного поселка можно было увидеть на остановке почти каждый вечер по двое или по трое, а иногда и в большем количестве. Бар возле магазина был невысокой наценочной категории, тем не менее, при всей приятности цен денег от желания не прибавилось и на посещение заведения не хватало. Раньше думалось, что в Испании, Португалии, Италии или других жарких европейских странах основные объемы пива в магазинах ориентированы на то, чтобы оно не успевало нагреваться и вкус не терялся. Теперь отчетливо понимаю, что культура питья у граждан таких стран совершенно другая и выпивать алкоголь в большом количестве не имеет смысла, достаточно двух-трех бокалов вина или треть литра пива, чтобы хорошо провести время, беседуя с друзьями. Ни раз лично наблюдал, как литровая стеклянная бутылка Estrella выпивалась тремя испанцами в течение целого вечера, а про объемы вроде полутора или двух литров, скорее всего, не знают даже поставщики местных магазинов. Беларусь никогда не ориентировалась на западные ценности, и в интересах государства преобладает спаивание граждан дешевым некачественным алкоголем в больших объемах. Наверное, чтобы не думали о лишних свободах. Поэтому было решено скинуться и взять два с половиной литра одной бутылкой отечественного пива. Хорошо снимает стресс, не требует больших денежных затрат, а о невысоком уровне производства говорит отчетливое состояние похмелья после небольшого употребленного количества.

Шурик раньше ни с кем не ходил распивать спиртное в окрестностях РЦПЗ, поэтому и понятия не имел, где можно скрыться от глаз патрулей милиции или добропорядочных граждан, которые при виде небольшого нарушения общественного порядка тут же начинают об этом сообщать в небезызвестные органы. На самом деле, еще проходя вдоль аллеи по аккуратному, хотя и местами разбитому тротуару, я увидел небольшие лесные массивы и множество закоулков, где никто не будет замечен случайному взгляду. В лес не пошли по причине часто прогуливающих медиков напротив психиатрии, у которых в должностных обязанностях – сообщать о нарушении режима пребывания пациентов и лиц на осмотре. Было решено скрыться за мусоропроводом. Хотя запах не придавал наслаждения происходящему, особого выбора не было. Стояли около часа. Ваня был как никогда разговорчив и снова сильно возмущался принципу ограниченности и недостатку нормальных, на его взгляд, людей в отделении. Шурик почти все время молчал и неподдельно радовался, что нашел новых друзей, которые не только его не обижают, но и берут с собой погулять. Видимо, малыш не сильно жаловал алкоголь и уже через несколько глотков из общей бутылки его начало шатать, благо тащить никого не пришлось. Когда темы иссякли, а дно достигнуто, мы отправились на боковую.

В первые дни сложно было привыкнуть к расписанию туалета для курения или, попросту говоря, общей параша, да и вообще распорядку отделения. Выйти после вечернего свободного времени уже нельзя, а вдохнуть никотин только в отведенные часы для справления нужд. Туалет выглядел удручающе. На нескольких небогатых сквотах, где удалось побывать в разные периоды жизни, обстановка санузла была куда более впечатляющей и благоприятной. Да что там, даже разбитые уличные сельские туалеты были бы мне больше по душе. На двери два замка и один засов. Помещение занимало около семи метров в длину и пяти в ширину. В конце – большое окно с решеткой и постоянно открытая форточка, что создавало дискомфорт в ветряные холодные дни. Подоконник деформирован и направлен вниз от постоянно сидящих на нем пациентов. Половину пространства занимали унитазы без стульчаков с перегородками между собой и время от времени неработающими смывами. Привычных кабинок с дверцами нет,

и, зайдя покурить, взгляд часто упирался в справляющих свои дела пациентов. Место после последней перегородки и окном ничем, кроме трубы, не было занято. Сомневаюсь, что там хотели поставить раковину для мытья рук, скорее всего, посчитали, что унитаз возле невысокого окна ставить нерационально, и убрали после сдачи здания в эксплуатацию. По трубе видно, что если к ней что-то и прикручивали, то очень давно. График работы туалета был строго соблюден на протяжении всего моего пребывания в психиатрической больнице. Иногда пациенты просились по нужде или по причине острого желания выкурить сигарету, и все равно их не пускали за закрытые на два замка и засов двери. Только если пациент был послушным, не конфликтовал с персоналом и поступался личными интересами, ему позволялось справить нужду в санитарной комнате. Бывал в ней несколько раз с медсестрой и одним из прописанных в хороших отношениях с персоналом: дверь, слева от прохода – ванна, унитаз и умывальник, одна перегородка ближе ко входу на половину помещения. Судя по стопкам грязного белья на прогибающемся столе, помещение также предназначалось для хозяйственных нужд, хотя ничего для стирки там не заметил, разве что тапки, ну уж вряд ли это делают вручную. Основной принцип общего туалета заключался в закрытии через каждый час. Также им нельзя было пользоваться на тихом часу и во время выдачи лекарств пациентам – по инструкции палаты должны быть открыты нараспашку, а сторонние помещения закрыты на ключ, который хранится у медсестры, выдающей медикаменты. Ночью не пускать или закрывать туалет не имеют права, на практике пациенты избегали ночных посиделок на подоконнике вонючей параша во избежание криков и ругани персонала. Это сильно раздражало выходящего из палаты после отбоя и отдыхающих пациентов. По наставлению медиков инструкции соблюдаются не всегда. Самое посещаемое время туалета – пятиминутка после открытия и перед закрытием. Если пациенты находятся внутри, дверь не должна закрываться, а форточка открываться. Выполнить эти действия практически невозможно, так как будет задымлено все отделение, если не этаж. Другими словами, инструкции не соблюдаются только тогда, когда это выгодно персоналу.

Распорядок дня показался более-менее нормальным: подъем в семь; завтрак до девяти; закрытый туалет на час; до одиннадцати процедуры, тесты и анализы, в редких случаях могли кого-то вызвать после обеда; с одиннадцати до часа свободный выход тем, кому можно; обед до двух; тихий час и закрытый туалет до пяти; вечерний выход с пяти до семи; ужин до восьми, иногда разрешали посетить столовую до девяти, если оставалось много несъеденного; отбой в одиннадцать вечера. На практике завсегда и некурящие не спешили на завтрак, и если не нужно было принимать лекарства, то до полдевятого их никто не дергал. Во время тихого часа разговоры можно было услышать практически из каждой палаты, за исключением палат, где находились буйные (привязанные и обколотые) пациенты. На отбой все уходили раньше на час-полтора, так как после девяти вечера в отделении практически никто не мог разговаривать под действием сонников или других препаратов для гуманного лечения.

Не помню точно, скорее всего, общую душевую разрешалось принимать ежедневно. Был только один раз без водных процедур. Пациенты начали шептаться, что пришла красивая медсестра брить бомжа, и столпились перед дверью душевой. Из любопытства тоже решил посмотреть, хотя ничего про девушку в белом халате сказать не могу, кроме того, что у нее были светлые волосы, шпильки и отчетливо заметные чулки, выглядывающие из-под короткого халата и юбки чуть длиннее, так как взгляд уперся в живую очередь на работающий душ. Бомж (для того пациента это слишком громкое слово) – обычный старичок, заросший бородой с отчетливым оттенком алкоголизма на лице. Душев около семи, помещение просторное, с умывальниками и без перегородок. В остальном все стандартно: обшарпанная и отваливающаяся белая плитка на стенах, окно с решеткой и сливы через каждые полметра на кафельном полу. Оказалось, из немалого количество душей работало только два или три. Раньше и после этого туда не заходил. В первые дни мыться не хотелось. Когда холодно, особо не попотеешь, да и не погуляешь мокрым по длинному коридору, можно залечь с простудой (дует буквально отовсюду),

а через два дня после прописки я перевелся в платную палату с отдельной душевой кабиной для четырех человек.

– ...я сказала отбой! Ты что, тупой, что ли? – кричали с пункта дежурства на пациента, стоящего рядом. Медсестру разглядеть не удавалось, она находилась за выемкой для стола, и угол стены перекрывал пространство. – Иди спать, ничего тебе нельзя!.. Какие выходные домой, ты на лечении! Пусть кто хочет приезжает, но не твои друзья-алкоголики подзаборные... – она кричала долго, а пациент, виновато наклонив голову, покорно выслушивал все упреки в адреса своих друзей и собственный, при этом не имея права ответить, так как может быть еще хуже.

Было дернулся в сторону на помощь, однако меня остановил другой пациент и начал невнятно говорить про бегемотов. По нему сразу можно было сказать – принял лекарства на ночь. Большинство пациентов после девяти вечера выглядели примерно так: взгляд в пустоту, нарушенная координация движений и несвязная речь на отстраненные темы, если вообще оставалась способность произносить слова. Простояв несколько минут возле невменяемого пациента и повернувшись в сторону пункта дежурства, увидел, что там уже никого нет, и отбросил идею идти разбираться.

Смены бывают разные, и в тот вечер была не самая приятная. В первый день дежурила по крайней мере одна из этих медсестер и сначала показалась вполне добросовестной и ответственной. Спустя время первые ощущения испарились без возможности восстановления. Покорнее описать не получится. На деле происходит так: некоторые берут шоколад и за это, например, разрешают задержаться на небольшое время после свободного выхода в выходные (проверок-то точно не будет) или взять кипяток из комнаты отдыха персонала, так как в других местах иметь кипятильники или чайники не положено, а большая часть персонала считает взятки в виде натуральных подачек нормой и по-прежнему относится к подопечным как к куску говна, откровенно вытирая о них ноги. Второй вариант был вечером в день прописки: постоянный шум персонала в коридоре и крик за мелочную провинность. Попросился в душ в платной палате – влетело и тем, кто там находился, и тебе; сходил покурить в неположенное время или в бельевую с разрешения уборщицы – крика меньше, но все равно ты говно. Лицам на осмотре было проще, формально нас не имели права лишить свободного выхода. В обход распорядка и режима, если призывник не понравился, его можно было направить на забор крови или прохождение тестов в отведенное личное время, хотя была сложность: медсестре нужно объяснить врачу, принимающему лицо на осмотре, почему он не отправился на процедуры с утра или хотя бы до обеда. К пациентам отношение за провинности и нарушения куда более строгое: привязка в кровати, усиление дозировки или мощности применяемых препаратов, запрет свиданий или личных вещей. Не могло быть возражений, потому что, если человек в дурдоме признан больным, то прав и голоса у него нет. Все происходит исключительно на усмотрение персонала, и это не полностью закрытое учреждение, а тем более отделение. Страшно представить, что творится в Гайтюнишках!

Несколько раз поднималась тема иерархии. Завсегдатаи уверяли, что она очень строгая и четко распределена, лично я ничего подобного не заметил. Был только один случай, когда действительно чувствовалось, что врач стоял выше младшего медперсонала. В остальном и медсестра, и санитарка, и даже уборщица могли сказать «иди в палату и не выходи» или «ты лишен свободного выхода», и так будет. Кроме того, люди работают в этом учреждении не один год по причине третьей составляющей счастливой жизни среднестатистического гражданина в виде власти, и большинство хорошо знают друг друга. Насолил одному, мстить будут все, независимо, прав медицинский работник или пациент. После поднятия темы иерархии второй или третий раз стал обращать внимание на пациентов, пытающихся подлизаться к персоналу, и снова ничего подобного не заметил. Даже стукачи не спешили сообщать о нарушениях лечащим врачам или комиссиям, а советовались с медсестрами. Если есть иерархия,

то логично было бы подумать: сообщил старшему по рангу информацию – больше поблажек можешь ожидать. Однако крысы получали поблажки в первую очередь от низких звеньев, даже уборщицы могли повлиять на решение, отпустить ли алкоголика на свободный выход после десяти дней лечения или можно ли гомосексуалисту получить свидание с парнем после неудачной попытки суицида. Единственная часть персонала, которая не любила стукачей, это санитары, и то таких единицы. Все остальные, начиная с прачки и заканчивая обходным врачом, с удовольствием выслушивали жалобы о выкромном где-то трамадоле, спрятанном у наркомана из соседней палаты, или притворяющемся суициднике, признающимся среди пациентов, что просто хочет большой отпуск в виде больничного листа. За исключением пичканья медикаментами, от которых большинству пациентов ничуть не лучше, четкого разграничения «лица на осмотре» и «пациента» также особо заметно не было. Все мы люди, и все в дурдоме.

Плати за комфорт

Part VI – «как я попал в VIP-палату»

Утро было на удивление бодрым. Сначала немного думалось о том, зачем военкомат дает эти направления, а потом вспомнил, что живу в Беларуси, стране бесконечных возможностей для всех ветвей власти.

Когда подрастал, да и сейчас, побывав в десятках городов разных стран, сохранил эти взгляды: Беларусь – прекрасная страна, с хорошей культурой, сильным воспитанием личности. В конце концов люди не виноваты, в том что происходит на улицах, в росте цен в магазинах и копеечно оплачиваемой работе. Неудивительно, что проходящие граждане в большинстве своем прячут взгляды тленности и унылости, у них просто нет больше сил надеяться на лучшее и тем более сопротивляться. Только на маленьком примере пребывания в психиатрической больнице уже можно увидеть всю грязь происходящего и наплевательское отношение чиновников к благополучию страны. Думаю, самым хорошим лозунгом при баллотировании в депутаты или на неизменный пост президента, смены которого мое поколение не видело, по крайней мере в сознательном возрасте, был бы: «я не буду воровать». Странно, что никто из оппозиционных сил или действующей власти об этом ни разу не говорил. Не нужно разглагольствовать про очевидные и всем понятные вещи. Как раз такие люди и не понимают, почему у министра труда и соцзащиты Марианны Щеткиной дом за миллион евро, а она советует крутиться на двух работах своим же согражданам, чтобы прокормить семью. Не воруй у своего народа, людей, которые тебе доверились, пожертвовали личным временем, чтобы поставить галочку в ничего не значащий бюллетень, и все будет в порядке. Беларусь находится в самом центре Европы, и даже при отсутствии природных ресурсов и сильной направленности национализации несложно понять, что из этой страны можно сделать действительно сильное государство. Примеров огромное количество, от Швеции до Люксембурга. Ко всему прочему, можно приписать и Сингапур: да, там есть выход к морю, а у нас нет, однако выход к морю там значит важнейшие транспортные развязки, которые реально осуществить и по суше, находясь в таком географически выгодном положении. Моветон власти никому не нравится, тем не менее силовики и другие чем-то явно обиженные люди не допускают малейших посягательств и критики в адрес своих кормильцев.

Я вскочил с кровати, улыбнулся, потянулся и принялся было идти к умывальникам по длинному коридору. Стены уже не казались настолько мрачными, как в первый день, хотя и не давали полного ощущения полноценного и тем более свободного времяпрепровождения. Почему-то остановился и прислушался к разговору Шурика с каким-то пожилым пациентом:

– ...ты не понимаешь, ему не нужно было ни за что платить, вот и согласился. Ты же малой еще совсем, не знаешь всех тонкостей, да и нам не говорят, думать надо, думать... – уловил часть разговора со старичком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.